

Е. А. Цыпанов, Морфология причастий в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1986.

12 марта 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Е. А. Цыпанова «Морфология причастий в коми языке». Работа выполнена под руководством профессора П. Аристэ. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин) и кандидат филологических наук Е. А. Игушев (Сыктывкар).

В работе Е. А. Цыпанова рассматривается система причастий в коми языке как с синхронной, так и с диахронной точки зрения, в частности дифференциация причастий и отглагольных имен, глагольные и адъективные свойства причастий, их внутрисистемные взаимоотношения, временные характеристики причастий в тексте, основные типы причастных конструкций, источники развития причастий и прапермская система причастий.

Актуальность темы не вызывает сомнений: причастия коми языка, в частности их грамматические свойства, до сих пор слабо изучены и, кроме того, причастия как вторичные глагольные формы сравнительно мало и с научно-формальной точки зрения даже плохо описаны не только в коми лингвистике, но и в лингвистике вообще. Поэтому работа представляет интерес также для общего финно-угроведения. Впрочем, содержание ее значительно шире заглавия: на хорошем современном уровне здесь проработан и синтаксис причастий.

Объем работы — 219 машинописных страниц, она состоит из оглавления (2 с.), введения (7 с.), двух глав (59 + 117 с.), заключения (7 с.), списка использованной литературы, материалов, источников (19 с.), списка условных сокращений (2 с.) и приложения (5 с.).

Введение содержит характеристику темы, формулировку цели исследования, общие сведения о применяемых методах и материале работы, аннотацию и данные об апробации.

В главе I («Партиципы как атрибу-

тивные формы глагола в коми языке») рассматриваются шесть концентров проблем: 1) проблемы интерпретации причастий в языкознании, 2) история и проблемы изучения причастий в коми языке, 3) формирование и развитие систем причастных форм в пермских языках, 4) «вербальные характеристики» (т. е. глагольные свойства) причастий, 5) адъективные характеристики причастий и 6) квантитативно-статистический обзор коми причастий. Хотя эта глава в работе не основная, автор смело вмешивается в долгие дискуссии, которые вел ряд ведущих в свое время финно-угроведов. Не все, высказанное им, наверно, может претендовать на конечную истину, но подобное обсуждение делает работу настоящим научным исследованием.

При рассмотрении проблемы, являются ли причастия именными формами глагола, особой частью речи или отглагольными прилагательными, автор спешит заявить, что он придерживается точки зрения, согласно которой причастия — это именные формы глагола, и затем группирует разных авторов согласно их отношению. Не имея ни малейшего желания проверять правильность такого группирования, хочу подчеркнуть, что разграничение инфинитных и отглагольных форм и даже парадигм и, далее, группирование инфинитных форм в инфинитивы, супины, герундии, герундивы, причастия обычно зависит от конкретной формы или парадигмы в конкретном языке. Поэтому подозреваю, что позиция автора обусловлена его родным языком. В прибалтийско-финских языках причастия далеко не всегда являются именными формами глагола, так что возникает вопрос, не следует ли считать некоторые отглагольные парадигмы, встречающиеся только в функции определения, не причастиями, а прилагательными, т. е. именами.

Чтобы полностью понять изложение истории изучения коми причастий в главе I, читателю необходимо сначала познакомиться с главой II. И это уже потому, что в таблице на с. 18 автор выделяет дополнительно причастие на *-тэн*,

не известное предшествующим 15 авторам; не считая двух скудных строк на с. 20, данное причастие рассматривается только на с. 177—186.

К проблемам изучения коми причастий в работе отнесены 1) образования с суффиксом *-e*, выделенные Т. Утилы в качестве VI Verbalnomen и относимые Х. Рятсепом к отглагольным прилагательным, и 2) т. н. проблема категориальной недифференцированности причастий и отглагольных имен.

Автор убежден, что такие формы на *-e*, как *pukale* 'сидящая' в *šili panid loekerka berdin pukale tetka* 'ему навстречу будет сидящая возле дома тетка' или *бызгö* 'болтающая' в *Этиö век бызгö Дарьяис локтис жö* 'Это вечно болтающая Дарья тоже пришла', представляют собой формы 3-го лица единственного числа презенса (как и омонимичные *pukale* 'сидит' и *bižge* 'болтает'). Все же реценzent вместе с Утилы и Рятсепом склонен считать их причастными: прафинно-угорский язык явно не имел маркированных суффиксом форм 3-го лица единственного числа презенса, поэтому в разных языках наблюдается тенденция заменять такие первичные немаркированные формы маркированными во временном отношении причастными формами. Нечто подобное произошло в прибалтийско-финских языках: во всех диалектах, кроме южноэстонского, немаркированная форма 3-го лица единственного числа вытеснена активным причастием презенса, причем только в ливском, людиковском и вепском языках не произошло расщепления первоначального суффикса причастия, устраняющего возникшую омонимию этих форм и причастий презенса. Итак, случаи непредикатного употребления формы «3 л. ед. ч. презенса», вероятно, отражают первоначальную, реликтовую сферу употребления этих же форм и могут даже служить аргументом в пользу того, что допермское активное причастие презенса еще не утрачено коми языком (впрочем, коми и удмуртские глагольные формы 3 л. ед. ч. презенса не намного хуже в качестве претендентов на происхождение из причастий на **-j*, чем коми *šondi*, удм. *šundi* 'солнце' и т. д.).

Проблема категориальной недифференцированности причастий и отглаголь-

ных имен (или материальной недифференцированности соответствующих категорий) носит довольно схоластический характер, что в работе хорошо показано.

Согласно Е. Цыпанову, общепермская система отглагольных имен состояла из имени деятеля на **-šs* и двух имен действия: на **-ns* и на **-ms*. Все они представлены и в коми языке, где встречается также инновационное каритивное существительное на *-tem*. Вопреки Д. Бубриху и др., Е. Цыпанов считает, что имя деятеля развилось в причастие, например: *уджалысь* 'работающий' → *уджалысь йöз* 'работающие люди', а не наоборот; это потому, что прапермская система уже имела активное значение причастий на *-ap*. Обоснование не достаточно убедительно, но сама идея заслуживает внимания. Зато убедительно продемонстрирован путь развития абстрактных имен действия на *-ap* в конкретные существительные. При рассмотрении имен автор не совсем корректно отвергает интересное сопоставление В. М. Лудьковой таких конструкций, как коми *Васса энвотчис ужнайтöмысь* 'Васса перестала ужинать' и фин. *Salomo taukosi soittamasta* 'Саломо прервал игру'. Здесь автор принимает элативную форму *m*-ового инфинитива (т. н. III инфинитива в грамматиках финского языка) за 'форму элатива имени действия (IV инфинитив в грамматиках финского языка) на *-minen* (форма на *-mainen*, упоминаемая автором, вообще не глагольная). Финский язык здесь не отличается от эстонского (более знакомого для автора), эти глагольные формы различны, ср. эст. *lakkas söömast* 'перестал кушать' (*m*-овый инфинитив), но *mötles söömisest* 'думал о кушании' (имя действия), хотя и имеется зона совпадения, ср. *loobus söömast* и *loobus söömisest* 'отказался кушать', где все же *m*-овый инфинитив может иметь партитивное, а имя действия генитивное управление факультативным объектным обстоятельством. Более того, подозреваю, что пермская грамматическая традиция толкования форм типа *ужнайтöмысь* в таких конструкциях как безымянных частей составного сказуемого, а не обстоятельств, может служить эффективным средством для ввода в заблуждение авторов грамматик.

Автор акцептирует для позднеперм-

ского языка причастия настоящего времени на **-an*, прошедшего времени на **-em*, меры и степени действия на **-tem* и каритивное на **-tem*, который, вероятно, присоединился к форманту причастия **-n*. В добавление к этим, т. н. активно-пассивным причастиям, в коми языке появилось активное причастие на *-is*, а кроме того, произошло расщепление двух причастных суффиксов: *-an* ~ *-ana* и *-em* ~ *-ema*.

Нельзя не отметить здравое отношение автора к проблемам залога и вида в морфологии глагола коми языка при рассмотрении глагольных и адъективных свойств причастий. Приведен ряд ценных наблюдений о соотношениях семантики глагольных деривационных суффиксов и встречаемости различных причастий. Ценны и статистические сведения о встречаемости причастий на разных этапах развития коми языка: частотность употребления причастий на *-an* ~ *-ana* в течение последних 50 лет вдвое уменьшилась, зато возросла частотность употребления причастий на *-is*.

Глава II («Морфолого-семантическая характеристика причастных форм») основная в работе, кроме того, она уже сама по себе имеет большое значение для изучения грамматики коми языка. Здесь для каждого причастия установлены суффиксальная омонимия, история и распространение форманта, параллели (не обязательно этимологические) в родственных языках, встречаемость в произведениях коми литературы разных периодов, семантические характеристики, временная характеристика (отдельно для активных и пассивных причастий) и типы причастных конструкций в виде структурных схем (за исключением причастий на *-men*, очевидно, потому, что они могут иметь своими распространителями всевозможные обстоятельства). В схемах указаны причастие и зависимые от него словоформы. Примечательно, что активные причастия на *-is* имеют 17 простых + 4 усложненные структурные схемы; активные причастия на *-an/-ana* соответственно 12+5 и пассивные 6+3 структурные схемы, активные причастия на *-tem* — 9+2 и пас-

сивные = 5+0 структурных схем. Причастия на *-em* и *-ema* — это не просто варианты: активное причастие на *-em* имеет 15+5, пассивное — 14+3 схемы, а активное причастие на *-ema* — 3 простые и пассивное — 2 простые схемы. Соотношение формативов *-an* и *-ana* и *-em* и *-ema* очень сложно, и как убедительно доказал автор, неодинаково. Наверно, он прав, когда ищет причину образования нового форматива *-ana* в фонетике; но вряд ли это тенденция к созданию открытых (конечных) слогов, скорее здесь проявляется иконическое стремление иметь отличные от иначе омонимичных отглагольных существительных отглагольные адъективы и адъективы, а также попытка избежать сложных сочетаний согласных на границе слов в атрибутивной фразе. В любом случае похвально обращение должного внимания на эти близкие формативы.

Автор вполне оправданно и вопреки коми грамматической традиции не рассматривает отглагольные формы на *-men* как деепричастия. Фактически это типичные герундивы. Но так как все остальные причастия, за исключением причастий на *-ema* в некоторых конструкциях, являются преимущественно или только отглагольными адъективами, нет смысла один отглагольный адъектив выделять не в партиципы, а в отдельный тип инфинитивных форм, тем более что для этого имеется прямой этимологически тождественный прецедент в грамматике удмуртского языка.

Заключение содержит 11 умело сформулированных выводов.

Итак, работа Е. А. Цыпанова представляет собой законченное исследование и является серьезным вкладом в изучение происхождения, морфологии, синтаксиса и семантики причастий коми языка. Как таковая, она может служить образцом для изучения причастий других языков ареала. Кроме того, работа содержит на редкость много очень интересных гипотез, что говорит о способности ее автора увидеть проблему.

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Таллин)